

Культура и искусство

Правильная ссылка на статью:

Ху Х. Иконография и нарративные особенности изображений гробниц в генеалогических книгах Хуэйчжоу периода династии Цин // Культура и искусство. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0625.2025.6.74865 EDN: RUNITS
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74865

Иконография и нарративные особенности изображений гробниц в генеалогических книгах Хуэйчжоу периода династии Цин

Ху Хой

ORCID: 0009-0005-5024-135X

аспирант, институт дополнительного образования; Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крякова

630099, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Гурьевская, д. 92а, к. 107

✉ 1060627151@qq.com

[Статья из рубрики "Изобразительные искусства"](#)

DOI:

10.7256/2454-0625.2025.6.74865

EDN:

RUNITS

Дата направления статьи в редакцию:

16-06-2025

Дата публикации:

23-06-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает нарративный аспект иконографии изображений родовых захоронений в генеалогических книгах округа Хуэйчжоу, социальная структура которого имела ярко выраженный клановый характер как в рассматриваемый период династии Цин (1644–1912), так и в более ранние эпохи. Изображения и планы захоронений в генеалогических книгах создавались для обеспечения жизненно важных для клана ритуалов почитания предков, но также выполняли и более сложные функции, выступая средством духовной связи предков с потомками. Изображения гробниц в генеалогии клана, должны были свидетельствовать о древности рода и значимости его истории, при этом информация, которой они насыщались, определялась актуальной ситуацией клана. В настоящее время многие из

этих изображений относятся к числу памятников искусства гравюры. Иконографический анализ, выявление композиционных и иных художественных особенностей изображений сочетается с анализом нарративных структур и анализом историко-культурного контекста создания изображений. Новизна исследования заключается в подходе к изучению изображений данного типа, которые, как правило, рассматриваются в их связи с искусством гравюры, при этом упускается из виду их повествовательная функция. Основные результаты заключаются в выявлении нарративной модели анализируемого типа изображений и ее историко-культурного обоснования. Специфическая клановая культура, сложившаяся в округе Хуэйчжоу, создала собственные стратегии вербального и визуального повествования, отраженные в генеалогических книгах. В условиях острой конкуренции кланов акцент на геомантических особенностях захоронений служил инструментом усиления культа предков и объединения клана. Отражение в изображениях архитектуры захоронений и принципов фэншуй подчеркивало сакральный статус места. Система визуального повествования строилась на идее единства истории клана и его современной ситуации; отбор захоронений для отображения в генеалогии осуществлялся на основании значимости предков, а композиция изображения отражала их преемственность. Фактическая информация (топография, права собственности) сочетается в изображениях с образами коллективной памяти. Выявленная нарративная модель отражает как универсальный принцип почитания предков, сложившийся в Китае после эпохи династии Сун, так и специфику Хуэйчжоу эпохи династии Цин, потребность в социальном сплочении кланов перед внешними вызовами.

Ключевые слова:

китайская генеалогия, китайская гравюра, план гробницы, Хуэйчжоу, династия Цин, иконография, повествовательное изображение, визуальный ряд, нарративная модель, визуальный нарратив

Введение

Методы и интересы визуальных исследований все глубже проникают в современное искусствоведение. Различные формы визуального повествования все чаще привлекают внимание исследователей как в европейской, так и в российской гуманитарной сфере. В китайском искусствоведении также наметилась тенденция поворота к визуальной истории, а значение произведений изобразительного искусства как исторических свидетельств рассматривается как важная часть изучения истории искусства. Историография, в свою очередь, испытывает влияние актуальных тенденций западной культурной истории, из-за чего все больше внимания уделяется роли изображений в историографическом дискурсе [\[1, с. 178\]](#). С развитием визуальной антропологии исследователи все больше убеждаются в том, что эстетические качества и художественные особенности изображений являются социально обусловленными [\[2, с. 39\]](#). Именно в этом ракурсе нами рассматриваются различные изображения, включенные в генеалогические книги. Традиция рукописных и печатных генеалогий является в Китае очень древней. Изображения в генеалогических книгах можно разделить на три категории: портреты (портреты предков), карты рода (карты миграции, карты поселений, ландшафтные карты) и архитектурные чертежи (храмы предков, планы захоронений и т.д.). Эти изображения не сразу появились в генеалогических книгах. Хотя во времена династий Северная и Южная Сун закладывались основные правила частной генеалогии, такие, как метод Оу Су, генеалогические книги того времени в основном содержали

лишь родословные с предисловиями и послесловиями. После начала правления династии Мин, в особенности начиная с середины этого периода, под влиянием усложнения клановой структуры, большое количество материалов, связанных с системой организации и деятельностью клана, непосредственно вошло в генеалогические книги. В то же время, составители родословных включали в них эпитафии и биографии представителей рода. Как следствие, в генеалогических книгах появились различные изображения, выполнявшие функцию визуального свидетельства реальности описываемых личностей и событий. В эпоху династии Цин содержание генеалогических книг в основном продолжало традиции предыдущей династии, увеличивался только объем и размер изображений.

Искусствоведы подчеркивают, что важно обращать внимание на так называемый «взгляд прошлого», отраженный в произведениях изобразительного искусства и в изображениях в целом [3, с. 31]. Питер Берк, говоря о новой культурной истории, акцентирует внимание на выявлении в материале культуры потенциальных общностей без отрицания многообразия прошлого [4, с. 30]. Художественные особенности изображения, его композиция, являясь объектом изучения истории искусства, также интересуют и историка культуры, так как свидетельствуют об определенных культурных процессах и их региональной специфике [5]. Иконография изображений, связанных с фиксацией информации о захоронениях, рассматривается здесь в ракурсе как искусствоведческого, так и культурно-антропологического значения.

В силу того, что захоронения обладают особым значением для китайских кланов, они зачастую рассматриваются как отправная точка развития рода [6]. Изображения захоронений в родословных тесно связаны с культом предков: «Чтобы продолжать традиции предков, потомки должны почитать их образы, заботиться о захоронениях и проводить обряды в храме предков. Сведения о портретах, захоронениях и храмах, сохранившихся со времен основателя рода, которые можно подтвердить, должны быть собраны в виде изображений или списка. К ним следует приложить описания и восхваления портретов, границы захоронений и правила, принятые в храме предков» [7]. Изображения родовых захоронений, появляющиеся в генеалогических книгах, естественным образом отражают основные этапы развития семьи. Сравнив планы захоронений в различных родословных, можно выявить общие моменты и зависимость от изменений в жизни местных сообществ. Древнекитайские планы захоронений берут начало в «Чжоуских ритуалах» («Чжоу ли») и, как считается, являются развитием планов, изображающих территории погребений. Такие планы начали массово появляться во времена династии Сун, когда правила поведения внутри семьи значительно изменились, а семейные традиции стали особенно крепкими. Несмотря на практическое назначение этих планов – обозначение границ кладбища и указание местоположения могил – их нельзя рассматривать просто как карты. Они служили скорее для того, чтобы восхвалять величие рода и чтить предков [8]. Эти карты особенно часто встречались в родословных во времена династий Мин и Цин. Карты захоронений в генеалогических книгах Хуэйчжоу считаются образцовыми. Это объясняется двумя факторами: во-первых, высокий уровень развития искусства гравюры в Хуэйчжоу, признанного вершиной китайской печатной традиции того времени; во-вторых, родословные из Хуэйчжоу обладают особой значимостью для изучения китайской генеалогии [9, с.40]. На данный момент исследований планов захоронений в родословных книгах существует достаточно мало. Чжан Сюй и Мигела, на примере родословных из Хуэйчжоу, изучили связь между созданием этих планов и художественными приемами, использованными в гравюрах Хуэйчжоу. Они уделили внимание содержанию и технике рисунков, но не раскрыли их

нарративного содержания [\[10\]](#). В данной работе мы попытаемся проанализировать информацию, которую несут в себе планы захоронений, собранные в родословных Хуэйчжоу, а также проследить их связь с особенностями социальной структуры Хуэйчжоу эпохи династии Цин.

Нарративная структура планов захоронений: синтез истории и современности

Наличие изображений гробниц в генеалогических книгах объясняется тем, что они были необходимы кланам для проведения ритуалов и обеспечения безопасности кладбища. Представители неоконфуцианства считают, что связь между поколениями основана на жизненной силе «ци» [\[11\]](#), поэтому кладбище, как место упокоения душ предков, напрямую связано с потомками. Именно по этой причине кланы Хуэйчжоу во времена династии Цин считали необходимым запечатлеть могилы предков в генеалогических книгах. «При жизни – жилище, после смерти – могила. Могилы – это места, где покоятся предки, и то, на что опираются потомки. Предки и потомки связаны одной энергией «ци»: если им спокойно, то и нам спокойно; если они в опасности, то и мы тоже. Поэтому важно выбрать место захоронения так, чтобы успокоить души предков – согласно определенным принципам, а не просто советам специалистов по фэншуй. Однако из-за давности лет или из-за хаоса и трудностей многое было утеряно. Если не зафиксировать информацию о могилах в виде карты, как можно заставить людей помнить о них? Поэтому схемы кладбищ так важны... Ясное и подробное изображение поможет уберечь древние захоронения от забвения и посягательств. Разве можно, увидев это, не ощутить печаль, скорбь и священный трепет?» [\[12\]](#). В «Картах могильных участков» эпох Сун и Юань основную часть занимает планировка кладбища. Главной целью было соответствие записям в «Чжоуских ритуалах» («Чжоу ли»), поэтому в изображениях основной акцент делался на кровных связях внутри семьи. Просматривая такие карты, можно было понять иерархические отношения между членами семьи в рамках конфуцианского ритуального порядка. Типичным примером являются различные карты семейных захоронений эпохи Юань [\[8\]](#). Однако такие изображения мало помогали в обрядах поклонения, так как потомки не могли по ним определить точное местонахождение останков своих предков. Поэтому, начиная с эпохи Мин, жители Хуэйчжоу постепенно стали изображать могилы предков отдельно друг от друга и одновременно старались зафиксировать общий план кладбища. Основное внимание уделялось информации о владельце гробницы и ее местоположении. Таким образом, информация о могилах предков передавалась с помощью и иллюстраций, и текстов.

Хотя изображения захоронений тесно связаны с информацией о предках, содержащейся в генеалогических таблицах, из-за ограниченного объема генеалогических книг не все изображения попадали в них. Составители родословных отбирали изображения, четко определяя критерии отбора, что влекло за собой изменения в структуре повествования, представленного планами захоронений. В Хуэйчжоу эпохи Мин и Цин три ключевые позиции в системе предков рода занимали основатель рода, первый переселенец и прославитель предков. При этом определение первого переселенца и прославителя предков напрямую зависело от реального положения дел в развитии рода [\[14, с. 4\]](#). Начиная с эпохи Сун в Хуэйчжоу, с увеличением числа ветвей рода и изменением баланса отношений власти между ними, взаимоотношения этих ответвлений играли важную роль в развитии всего клана [\[15, с. 115\]](#). В эпоху Цин более сильные ветви стали обретать независимость, что отчетливо просматривается в распределении поселений [\[16, с. 102\]](#). Эти изменения в социальной структуре региона напрямую повлияли на выбор

изображений, отобранных составителями родословных Хуэйчжоу. Примером может служить семья Чжэн из Иньчуаня, Синъюань, Уюань. Ее ветвление происходило следующим образом: «Наш род Чжэн ведет происхождение от потомков князя Хуаня, тогда как основателем и прародителем ближайшей родовой линии стал Яньфан, шестой сын сановника Чуаня, занимавший должность министра общественных работ. Он переселился из Ци в Удунчжунпин, после чего господин И вновь перебрался в Иньчуань на севере У. Спустя несколько поколений появились две ветви – Дэ Эр и Дэ Сян. Оба предка дали многочисленное потомство: особенно разрослась иньчуаньская ветвь, однако и расселившиеся в других местах – Даюань, Чатань, Шачэн, Цзянцунь, Датань, Ушуй, Сианьли – все эти линии также процветали» [17]. Из-за различий в силе и влиянии между ветвью Иньчуань и другими ветвями, в родословной этой семьи основное внимание уделено изображениям могил предков именно ветви Чжэн.

Изменения внутри кланов Хуэйчжоу в династии Цин, не ограничивались укреплением клановой политики, но также включали подъем торгового сословия. «Сто с лишним лет с середины правления Канси до эпохи Цзяцин (1796–1820) и Даогуан (1821–1850) были периодом процветания хуэйчжоуских купцов» [18, с. 12]. Будучи «купцами, которые чтят конфуцианские ценности», свой торговый капитал они направляли на поддержку местного социального и культурного развития, в том числе и на составление родословных [19, с. 82]. Как правило, размещение изображений в генеалогических книгах было делом весьма затратным, поэтому некоторые кланы включали в них схемы могил предков в качестве награды для тех, кто жертвовал средства на составление родословных. Известны случаи, когда отбор изображений осуществлялся на коммерческих основаниях. Так, при составлении родословной клана Е из Наньпин уезда Исянь в период Цзяцин были установлены следующие правила: «Для родословной используется набор подвижным шрифтом, а составители родословной – жители У. Сначала устанавливаются цены: за каждый лист с текстом – 2 цянтя серебра, за каждый лист с линией родства – 1,1 цянтя серебра, за каждый лист с изображением могилы – 2 цянтя серебра, а если на одной странице расположены два изображения, то за пояснения добавляется плата как за лист с линией родства. Изображения могил изготавливаются до пятого поколения, а остальные оплачиваются отдельно» [20].

Помимо того, что изображения могил отбирались в генеалогические книги согласно определенным правилам, важную роль играл также порядок их расположения в книге. Согласно базовым правилам передачи кровного родства, изображения могил предков должны строго следовать друг за другом в ряду поколений. Однако последовательность имен предков в генеалогиях Хуэйчжоу не всегда напрямую отражает кровные связи. Кроме того, основатели родов, как правило, жили в далеком прошлом, поэтому потомки не знали, где находятся их могилы, что, разумеется, затрудняло создание планов. Тем не менее, убеждение неоконфуцианства о связи предков и потомков через энергию «ци» требовало, чтобы клан установил связь между каждым предком и его потомками. Чтобы решить эту проблему, составители родословных в Хуэйчжоу в эпоху Цин при создании изображений могил применяли правила «далекое – кратко, близкое – подробно» и «основатель рода в начале, ближайшие предки в конце», подчеркивая важность ближайших предков и тем самым усиливая эмоциональную связь между предками и потомками. Такой подход также имел ритуальное обоснование: «Начинать с основателя клана – значит, следовать принципу почитания предков и уважения к истокам; заканчивать близкими предками – значит, следовать принципу любви и заботы о родственниках» [21]. В качестве примера можно привести клан Хуан из Таньду уезда Шэсянь, из которого происходит известный художник Хуан Биньхун. Этот клан ведет

начало от местности Цзянся в провинции Хубэй. При составлении генеалогии клана в период правления Юнчжэн (1723–1735) в нее было включено 25 изображений захоронений, из которых только 4 находились в Цзянся. Они изображали гробницы основателя клана, предка второго поколения, предка четвертого поколения и предка двадцатого поколения. Оставшиеся изображения относились к могилам предков с периода Тан до периода Юань, охватывая двадцать одно поколение [\[22\]](#).

Для составителей родословных, принадлежащих к описываемому роду, их кровные узы с предками – неоспоримый исторический факт, причем между ними прослеживается четкая преемственность поколений. В то же время, взаимоотношения ветвей клана и членов клана внутри одной ветви, а также изменения дистанции между потомками и предками, обусловленные развитием клана и местного общества, вынуждали составителей родословных учитывать влияние реальных факторов. В итоге, знание исторических фактов определяло, какие изображения могил будут включены в родословную и в каком порядке, а текущие обстоятельства влияли на само решение о включении. Составители родословных в Хуэйчжоу, стремясь примирить историю и современность, создали специфическую систему повествования, в которой исторические сведения о событиях прошлого приводились в соответствие с актуальной ситуацией.

Планы захоронений как средство конструирования исторической памяти

Ведение родословной – необходимая составляющая организации родовых сообществ, это помогает достигать цели «почитания предков и объединения рода». Именно потому, что основная функция родословной – поддержание клановой идентичности, в ней содержатся не только исторические факты. В особенности это касается далеких поколений. Планы захоронений, как дополнение к повествованию о предках, естественным образом представляют собой смесь исторической памяти и реальных фактов. Под влиянием традиционной китайской нарративной модели «изображение слева, текст справа» схемы могил в генеалогиях Хуэйчжоу никогда не встречаются отдельно, они сопровождаются текстом, содержащим информацию о могилах. Например, в составленной в эпоху Цин «Обновленной родословной семьи У из Хоутянь, Сюнин» после каждого изображения следует описание могилы с подробными сведениями о захоронении. Так, после «Изображения могилы в Хуанцзятань» указано: «Описание могилы в Хуанцзятань: Захоронение 35-го поколения – господина Цзайтяня и его супруг, госпожи Фан и госпожи Чжан – расположено в Хуанцзятань, провинция Хайнин, ориентировано на юг (У) и немного на север (Цзы). Площадь участка: 2,4 му *[китайская единица измерения площади, 2,4 му=0,1584 га]*. Зарегистрировано в 10-м округе провинции под именем У Цзинцунь.» Аналогично, после схемы «Изображения могилы у моста Малу» приводится запись: «Описание могилы у моста Малу: Захоронение 38-го поколения – Сяолянь Сяоиня и его супруги госпожи Сян – находится в уезде Хайянь у моста Малу, ориентировано на юг (У) и немного на север (Цзы). Площадь участка: 2,75 му [\[2,75 му=0,1815 га\]](#), зарегистрировано в уезде Хайянь с пометкой «Тао», значит как У Цзиньцзинь; также включает две стелы» [\[23\]](#) В этих записях наиболее важной является информация о земельных участках, включая их кадастровые номера, поскольку именно это служит ключевым доказательством права собственности на участки земли с захоронениями. «Упорядочивая земли и размечая границы... можно одним взглядом охватить всё, чётко разделить владения, пресечь захваты, установить понятные рубежи и строгий порядок. Следуя схеме и сверяя данные, можно точно унаследовать дело предков, сохранив его в неприкосновенности навеки» [\[24\]](#). Именно поэтому составители генеалогий Хуэйчжоу включали подобные сведения непосредственно в схемы захоронений, делая их неотъемлемой частью последних. Примером может служить схема

из «Ответвления родословной семьи Ван из Хуайси» [\[25\]](#) (Рис. 1).

Рисунок 1. Карта гробницы второго предка Дайчжи и госпожи Чжань. Изображение из «Генеалогии рода Ван из Хуайси», том 6 («Гробница второго поколения рода Ван и его супруги»), 1856 г. Шанхайская библиотека, №939348. Источник изображения: цифровая копия, Аньхойский университет.

Некоторые составители генеалогий после завершения работы над погребальными схемами переносили в родословные изображения земельных участков из кадастровой книги Юйлинь, придавая изображениям более схематичный, схожий с картами вид. Так поступили, например, представители рода Хуан из Таньду: после 26 погребальных схем в их генеалогии следует тридцать одна схема границ участков [\[22\]](#) (Рис. 2).

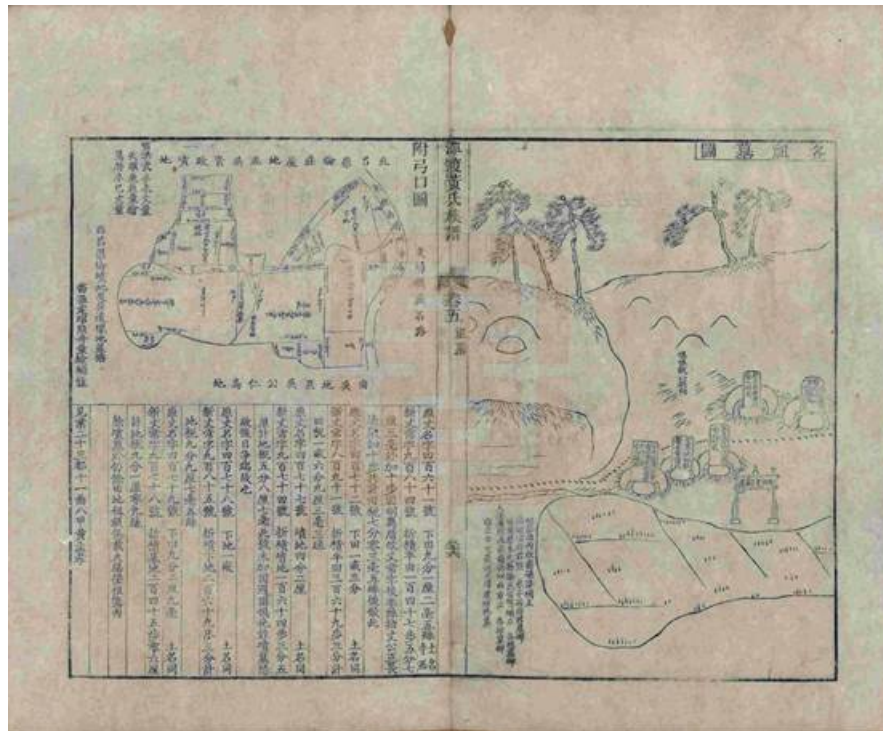

Рисунок 2. Карта гробниц предков. Изображение из «Генеалогии семьи Хуан из Таньду, уезд Шэнь», том 5 («Родовые могилы: изображения могил предков»), 1731 г. Национальная библиотека, №911861-68. Источник изображения: цифровая копия, Аньхойский университет.

Поскольку эти захоронения существовали ещё до составления генеалогического древа и содержат информацию о правах собственности, они фактически служат наглядным отражением исторических событий. Кроме того, они являются основным инструментом укрепления памяти членов рода о могилах предков — всё это было важно для сохранения контроля над родовыми захоронениями. «Из опасения, что с течением веков могилы будут утеряны или даже захвачены другими... их расположение, названия земель, кадастровые номера, размеры участков и границы были подробно расписаны» [\[26\]](#).

Для кланов Хуэйчжоу наличие могил предков служило доказательством, что род издавна существовал в пределах этого региона. Такая исторически легитимная позиция позволяла кланам контролировать местные ресурсы и сохранять своё влияние. Особенно после того, как в середине и конце эпохи Мин сложилось чёткое разделение на «знатные роды» и «мелкие фамилии», древность клана стала важнейшим культурным капиталом в межродовой конкуренции [\[27\]](#). Именно под влиянием этих факторов кланы начали создавать фамильные захоронения, зачастую не имевшие достаточных исторических оснований. По сути, они представляли собой сконструированную родовую память. Поскольку она вполне эффективно сплачивала клан, эта сконструированная память не была отвергнута и последующими поколениями. После «изобретения» таких могил род составлял их схемы, переводя текстовые пояснения в визуальную форму для закрепления в сознании потомков. Типичным примером является хуэйчжоуский род Сюй, который в эпоху Цин выбрал своим предком Сюй Жу, основываясь на том, что члены рода «обнаружили» его могилу. Поэтому в начале генеалогии семьи Сюй из уезда Шэ, составленной в период Цяньлуна, была помещена схема могилы первопредка Сюй Жу (Рис. 3).

Рисунок 3. Схема могилы господина Жу. Гравюра из «Переработанного генеалогического альбома семьи Сюй из Восточных ворот города Шу», том 8 («Изображение могилы господина Ю»), эпоха Цин, 1745 г. Шанхайская библиотека, №16524. Источник изображения: цифровая копия, Аньхойский университет.

За изображением следовало подробное описание события: «Первопредок Жу жил в конце эпохи Тан... Прошли века — эпохи Сун, Юань и Мин, — и место захоронения господина Жу было окончательно забыто. В год *цзихай* (1720 г.) эры Канси потомки из ветви деревни Сюй, включая Цюаня, исследовали могилу другого предка, Чоу, и заодно решили найти могилу господина Жу. Следуя записям в родословной, они отправились к горе Тантаушань у Футинга и расспросили местных жителей. Те подтвердили: «Здесь есть древние могилы семьи Сюй, но их давно никто не посещал». Однако сразу признать это место могилой господина Жу они не решились. В год *гэнцзы* (1721 г.) Дэн Ин, возвратившись на родину после назначения на должность, лично отправился почтить предков. Когда родственники рассказали ему о возможном месте захоронения первопредка, он немедленно отплыл на лодке, чтобы осмотреть его. Оказалось, что вид захоронения, расположение гор, отметки на местности полностью совпадают с описанием в родословной. Но, понимая всю ответственность, он искал другие доказательства. Обойдя могилу, он заметил слева небольшой холмик с выступающим углом камня. Расчистив землю, он обнаружил стелу с надписью: «Могила госпожи Сюй, почтенной Баоань». Только тогда он окончательно убедился: это действительно могила Жу...Так могила нашего первопредка, забытая с эпохи Тан более тысячи лет... оказалась вновь обретена — не иначе как по воле самого господина Жу, чей дух не позволил потомкам забыть его [\[28\]](#).

Факт обнаружения могилы первопредка получил всеобщее признание среди потомков Сюй. Поэтому в генеалогии семьи Сюй из Цзиси, составленной в годы правления Гуансю (1875–1908), также появилась эта схема могилы, а пояснения были скопированы дословно (Рис. 4).

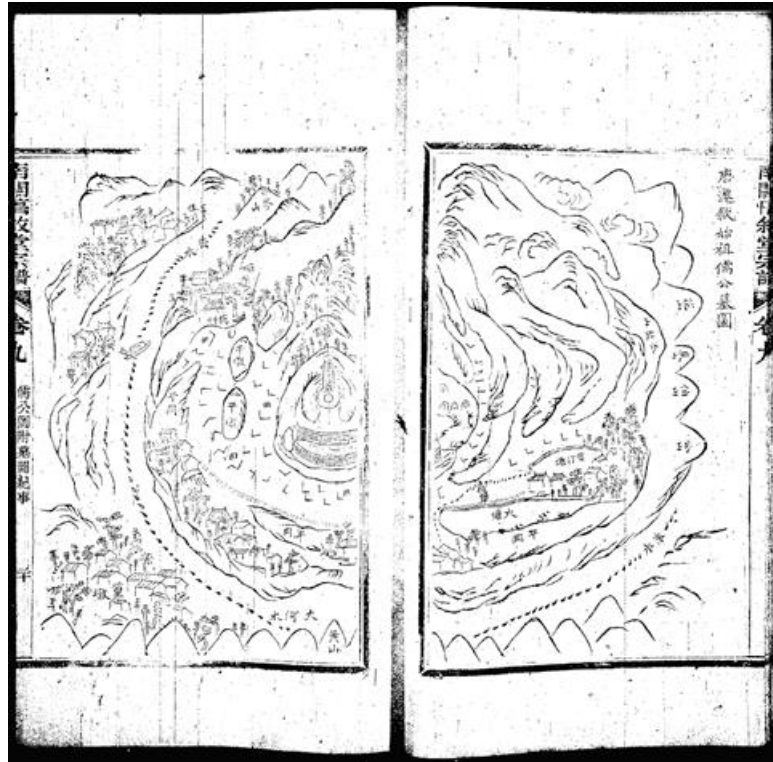

Рисунок 4. Схема захоронения основателя рода Тан, господина Жу. Гравюра из «Генеалогического альбома рода Сюй из Южного прохода Цзийси», том 9 («Иллюстрация могилы предка Сюй Жу, переселившегося из Шэнь»), эпоха Цин, 1889 г. [29].

Шанхайская библиотека, №957424-431. Источник изображения: цифровая копия, Аньхойский университет.

Аналогичные случаи можно наблюдать и в генеалогиях других родов, например, рода Сюй из Хуанчэна на севере Шэ: «Гробница предка находится у реки Фанси, что записано в уездных хрониках. Осенью года *цзячэнь* эры Юнчжэн (1724 г.) я посетил Фанси и узнал, что точное место захоронения уже давно утеряно, и никто не помнит, сколько лет прошло. К счастью, в родовом реестре Фуси сохранилось изображение могилы, где четко указаны форма холма и расположение погребения. Спустя месяц я снова отправился на поиски, сверяясь с картой, но так и не смог найти. Лишь зимой года *имао* (1735 г.), во время составления родословной, мы вместе с главой рода Фуси, Даомином, обнаружили её в половину ли (0,25 км) к востоку от Фанси, поднявшись от павильона Шаньхуатин. Могила находится на холме справа от большой дороги, на территории современного 12-й округ, 5-й участка, под номером 2672. Общая площадь участка – 872 бу (0.14–0.46 га), налоговая земля – 2 му 4 фэна 2 ли 6 хао (0.15–0.17 га). Местное название – «Чжулиньтоу», также известно как «Пруд Цзянху» [30]. Другой пример – род Чжэн из Иньчуань, Синьюань, упомянутый ранее: «Чжэн Чжэнци, тринадцатый потомок Дэ Эр из Иньчуаня, при составлении обновленной родословной обнаружил в могильных схемах захоронение Игуна в ущелье Шибоу. Взяв карту, он отправился на поиски, но из-за густых зарослей и леса место было невозможно опознать. Опечаленный, он взмолился к небу, разогнал диких зверей, расчистил терновник – и вдруг обнаружил несколько древних кирпичей, похожих на изделия эпохи Тан. Очертания могилы стали более заметными: она была обращена в сторону Синь-И (запад-восток). Чжэн Чжэнци вложил средства в реставрацию, и менее чем за десять дней гробница предка была восстановлена во всем своем величии» [17].

Можно сказать, что планы захоронений, фиксируя местоположение и права клана на гробницы, превращали их в архитектурные объекты, подчеркивающие статус рода в

местном обществе. Составители родословных использовали могильные схемы для нахождения утраченных захоронений, а затем заново зарисовывали их, закрепляя память о предках и упрощая проведение ритуальных обрядов. Таким образом, планы становились инструментом создания и усиления исторической памяти рода. В результате информация, содержащаяся в изображениях захоронений, формировала у членов рода единое представление о предках. Кроме того, благодаря непрерывному обновлению родословных и их визуальному подкреплению, эти схемы превращались в памятные образы, которые в итоге помогали членам рода выстраивать целостную систему памяти о предках [31]. Такой персонализированный подход к историческому повествованию отвечал потребностям рода в особые периоды его развития. Через могильные схемы род утверждал в местном сообществе длительное присутствие своих предков, повышая их значимость.

Могильное сооружение и его расположение как объекты отображения на плане

Несмотря на то, что образы могил издавна присутствовали в китайских родословных книгах, единые правила их изображения так и не были сформированы. Из-за низкой стоимости производства, свитки долгое время оставались основным способом передачи изображений в родословных Хуэйчжоу [10]. Помимо этого, на изображения могил в хуэйчжоуских родословных повлияла так называемая живопись литераторов (школа китайской традиционной живописи, существующая с XI в.). Например, в «Родословной рода Чэн из деревни Дачэн в Синьане», составленной в 1740 году, все иллюстрации были выполнены Чэн Мином – художником, учившимся пейзажной живописи у Ши Тао и Чэн Суня. Его стиль отличался глубиной и мощью; художник писал густыми, насыщенными мазками. В созданных им изображениях немалое внимание уделялось детализации пейзажей, при этом оставалось достаточно много незаполненного пространства, что придавало работам особую поэтичность и недосказанность [11]. Будь то более или менее детализированные изображения могил, они никогда не были исключительно фиксацией ландшафта кладбища или просто схемами с указанием местоположения захоронений. В первую очередь, они передавали пространственную организацию кладбища в географическом контексте. Главный акцент делался не на самом могильном сооружении, а на особенностях *фэншуй* как символической системы организации выбранного места. Даже если некоторые составители родословных не разделяли веру в *фэншуй*, они всё равно связывали могилы с судьбой потомков – и причиной этому было конфуцианское понятие *ци*. Даже противники *фэншуй* признавали связь расположения могил с судьбой рода – через философскую категорию *ци*, объединяющую поколения. «Выбирая место захоронения, мы оцениваем его благоприятность или неблагоприятность, но не так, как это делают последователи учения инь-ян, говоря о счастье и несчастье. Если место благоприятно, то духи предков пребывают в покое, а потомки процветают – подобно тому, как здоровые корни дают пышные ветви и листья. Таков естественный порядок вещей... Отцы и дети, деды и внуки связаны единым *ци*: если одни пребывают в покое, то и другие в покое; если одни в опасности, то и другие в опасности. В этом также заключается естественный порядок. Однако прежде должна быть небесная гармония, а уже затем – земная» [32]. Именно поэтому изображения могил в родословных Хуэйчжоу зачастую выполнены в виде панорамного обзора сверху, что особенно характерно для свитковых композиций. Некоторые изображения даже содержат явные обозначения элементов *фэншуй* (Рис. 5, 6).

Рисунок 5. Карта гробницы Цзыингуна и его жены в форме раковины. Гравюра из «Генеалогии рода Ван из Хуанси», том 4 («Изображение могилы в форме раковины супругов Цзы Инь»), эпоха Цин, 1887 г. [33]. Шанхайская библиотека, №957422-23.)
Источник изображения: цифровая копия, Аньхойский университет.

Рисунок 6. Карта кладбища господина Чэн и его супруги из рода Гао, предка четвертого поколения Сун, а также Ши Туна, предка десятого поколения эпохи Сун. Изображение из «Генеалогии семьи Чжоу из западной части города Цзеси», том 20 («Гробницы прадеда

Чжоу Чжэнчэна и его жены Гао, а также прапрадеда Чжоу Шитуна»), 1905 г. [34].
 Шанхайская библиотека, №920835-55. Источник изображения: цифровая копия,
 Аньхойский университет.

Даже те генеалогические книги, где не использовались свитки для могильных схем, акцентировали внимание на соответствии захоронений ценностям *фэншуй* – выделяя очертания гор и рек. Яркий пример – упомянутое ранее изображение могил рода Чэн из деревни Дачэн (Рис. 7).

Рисунок 7. Схема гробницы шестого поколения предков рода Чэн. Гравюра из «Генеалогии ветви клана Чэн деревни Синьянь Дачэн, Карта гробницы шестого предка», эпоха Цин, 1740 г. [35]. Шанхайская библиотека, №911071-72. Источник изображения: цифровая копия, Аньхойский университет.

При этом, данная информация о *фэншуй* также появляется в тексте, следующем за схемами захоронений, становясь важным элементом системы «слева иллюстрация – справа описание». Это позволяет достичь «точного определения границ погребальной зоны и правильного обозначения ориентации» [36]. Именно поэтому в разделе «Планы могильных памятников» родословной семьи Дай из Юнчуня встречаются следующие записи: «План захоронения господина Цань и его супруги. Погребены в местности, известной как Мэйлинкэнкоу. Форма могилы: «Мышь, спускающаяся в поле». Ориентация: гора Сы (юго-восток) – направление Хай (северо-запад).

План захоронения супругов Шань и Цянь Гуан. Погребены в местности, известной как Мяолин. Форма могилы: «Ласточкино гнездо». Ориентация: гора Инь (северо-восток) – направление Шэнь (юго-запад). Слева: общая могила Жун Сяня и Мэн Луна, ориентация Чоу (северо-северо-восток) – Вэй (юго-юго-запад). На вершине: могила супругов Сюй

Чжи, ориентация Чоу – Вэй. Имеются надгробные памятники.

План захоронения госпожи Янь-би Хун-ши (урождённая Хун, в замужестве рода Янь). Погребена в местности, известной как Чжамьяньцзянь, в месте под названием Чжулинцзуй Пуцянь. Форма могилы: «Замёрзшая змея, слушающая лягушку». Ориентация: Кунь (юго-запад) – Гэнь (северо-восток). Справа сверху: могила Шоу Нянь с супругой ориентация У (юг) – Цзы (север), форма «Паук, плетущий сеть»; могила Жунсяня и его супруги Ли, ориентация Цзя (восток) – Гэн (запад); могила Мэн Чжэнь и его супруги Хун, ориентация Дин (юго-юго-запад) – Гуй (северо-северо-восток). Имеются надгробные памятники [\[37\]](#).

Составители родословной семьи Хун из Уюань-Гуаньюань выражаются ещё более прямо: «Могила Хун Чжэнбяо, погребённого в год Цяньлун Цзячэнь (1784 г.) в местности Юанькэнспэй. Ориентация: Синьшань (северо-запад) – Исян (юго-восток), могила типа «Устье Великого Ян». Форма: «Феникс, взлетающий на гору». Особенности: вершина Дакэнцзянь; правовращающаяся Иньская драконова жила; три уникальные особенности горной конфигурации; выбор места с учётом сложных расчётов положения звёзд и скрытых энергетических линий; водный поток с северо-запада к Сюнь (юго-восток); чистое богатство и знатность связаны с иньской водной конфигурацией в годы Цзы, Шэнь и Чэнь (крысы, обезьяны и дракона); тело дракона испытывает недостаток элемента огня, что компенсируется горой, расположенной в направлении Сян; это сулит многократные успехи на имперских экзаменах; в будущем – военные подвиги и получение титулов; процветание потомков и многовековое богатство» [\[38\]](#).

Цитированный текст содержит несколько понятий *фэншуй*, которые нуждаются в пояснении. В *фэншуй* могильные участки часто описывают через аналогии с животными, чтобы обозначить конфигурацию рельефа, направление потоков энергии ци, связь с водными/горными объектами, что помогало потомкам опознать место захоронения среди похожих мест, а также давало понять, какие природные объекты важны для поддержания «благой энергии». «Устье Великого Ян» – понятие, характеризующее тип расположения могилы, где должно быть полукруглое углубление в склоне, а перед ним – водный объект или долина. Энергия «Великого Ян» аккумулируется в этом устье, создавая идеальный баланс между защитой (с трех сторон) и доступом к энергии ци (пространство спереди). «Иньская драконова жила»: дракон инь указывает на скрытую, пассивную энергию (мягкие очертания холмов, растительность на северном склоне), правосторонняя закрутка обозначает направление энергетического потока, соотносится с женским/принимающим принципом (направление ручьев, изгибы горных цепей).

Причина, по которой система *фэншуй* занимает центральное место в описании могильных планов, кроется в их адресации. Те, для кого эти описания предназначены, т.е. потомки, находят в *фэншуй* не только руководство к повседневной жизни, но и мотив для внимательного отношения к родовым захоронениям. Как точно подметил Сига Сигэдзо, исследователь китайского семейного права: «Могилы называют «иньскими жилищами», в противоположность «янским жилищам» – домам живых. Если при строительстве домов тщательно подходят к выбору места, то к могилам проявляют ещё больше внимания: ищут благоприятные места с помощью гаданий и только затем возводят погребальные сооружения. Считается, что качество земли (её «благость» или «зловещесть») и уход за могилой напрямую влияют на судьбу потомков» [\[39, с. 68\]](#). В Хуэйчжоу, где борьба за ресурсы всегда была крайне острой, *фэншуй* исторически воспринимался как ценнейший ресурс. В разные периоды здесь вспыхивали многочисленные споры и даже столкновения из-за геомантии. Жители Хуэйчжоу эпохи Цин готовы были идти на огромные траты ради приобретения могильных участков с благоприятным *фэншуй*.

Например, Чжао Цзиши, чиновник из уезда Шэ, жившего в ранний период правления династии Цин, нанял более 20 мастеров *фэншуй* и потратил десятилетия на поиск «счастливой земли», прежде чем найти достойное место для погребения своих родителей [40]. Именно под влиянием такой социальной среды в эпохи Мин и Цин в Хуэйчжоу появилось множество мастеров *фэншуй*, чьи знания базировались преимущественно на *школе форм*, считавшей, что ключевым фактором являются природные очертания – горные хребты и водные потоки. Эти специалисты анализировали структуру гор, направление рек, взаимосвязь между вершинами и водой, чтобы определить ценность территории с точки зрения *фэншуй* [41]. Такой акцент на рельефе закономерно привёл к тому, что в родословных книгах Хуэйчжоу планы захоронений стали создавать с особым вниманием к окружающим горам и рекам – чтобы наглядно подчеркнуть благоприятные свойства территории захоронений [42].

Для составителей родословных форма могилы не имела особого значения, куда важнее была мысль о том, что «могила – этоместилище телесной оболочки предков и пристанище их душ; а никак не просто земляной холм» [43]. Тела предков и потомков связаны энергией *ци*, однако эта связь остается неосознанной для живых. Поскольку теоретические идеи неоконфуцианцев были слишком абстрактными для практического применения, составители генеалогий делали акцент на особенностях *фэншуй* могилы, а не на ее форме. Тем самым создавался образ родового захоронения как источника защиты для будущих поколений семьи. Изображения становились важнейшими носителями культурной памяти [44, с. 247], устанавливая эмоциональную связь между предками и потомками, укрепляя «почитание предков и сплочение рода».

Заключение

Начиная с эпохи Мин, кладбища выступают средоточием культа предков в китайской традиции. Однако, несмотря на совершаемые у гробниц ритуалы, эти сооружения физически располагались за пределами заселенных потомками территорий. Удаленность захоронений от места поселения создавала ощутимый пространственно-временной барьер между предками и потомками. Для преодоления этой дистанции кланы Хуэйчжоу, начиная с периода династии Мин, стали включать в генеалогические книги схемы захоронений. С их помощью укреплялось ощущение связи потомков с предками. При этом локальные особенности развития клановых структур в регионе оказывали непосредственное влияние на культурный контекст создания планов захоронений.

Подводя итог, можно сказать, что характерная для генеалогий Хуэйчжоу нарративная модель с её строгой организацией, конкретным содержанием и чёткими акцентами обусловлена прежде всего природой генеалогических текстов как носителей клановой истории, основывающейся на главном принципе существования рода — почитании предков. Система визуального повествования строится на единстве истории и современности; отбор захоронений для отображения в генеалогии осуществляется на основании значимости предков, а композиция изображения отражает их преемственность. Содержательное наполнение планов захоронений строится на сочетании фактической информации (включая топографические данные и записи о правах собственности) с образами коллективной памяти. При этом текстовые элементы органично интегрированы в визуальную структуру, в отличие от традиционных надписей в живописи литераторов. План захоронения был доказательством его древности и доказательством сохранения памяти о нем. Важный смысловой акцент формируется благодаря контрасту между архитектурой захоронений и геомантией. Отображенные в плане принципы символической организации пространства *фэншуй* рассматриваются как

коллективный капитал рода, объединяющий его реальные экономические преимущества и символический культурный капитал. В отличие от архитектурных особенностей, не отличающихся многообразием, геомантические элементы визуально доминируют в композиции. Такой сознательный акцент позволяет в условиях ограниченного пространства максимизировать сакральный подтекст, укрепить веру клана в предков.

Содержательное наполнение планов захоронений варьировалось в зависимости от региональных различий в развитии клановых структур. На примере Хуэйчжоу можно наблюдать, как структурные особенности внутриклановой политики и развития купеческих сообществ династии в эпоху Цин влияли на выбор предков, схемы захоронений которых будут размещены в родословных: составители генеалогий учитывали как баланс властных отношений между ветвями клана, так и уровень личного благосостояния предка. После формирования в период Мин иерархической системы кланов, основанной на происхождении («знатные роды» и «мелкие фамилии») кланы остро нуждались в доказательствах длительного пребывания своих предков на территории Хуэйчжоу. Это привело к практике «обнаружения» могил предков: кланы Хуэйчжоу эпохи Цин, используя схемы захоронений из более ранних генеалогий в качестве доказательств, «обнаруживали» древние погребения, после чего создавали новые карты захоронений предков. Изображения гробниц становились инструментом укрепления коллективной памяти. В условиях ограниченности земельных ресурсов и острой социальной конкуренции кланам Хуэйчжоу было крайне необходимо укреплять внутреннюю сплоченность для противостояния внешнему соперничеству. Именно поэтому фэншуй родовых захоронений приобретал особое значение. Планы захоронений в генеалогических книгах нужным образом акцентировали расположение и направление горных хребтов и водных потоков вокруг погребений, выявляли геомантическую символику местности, визуально демонстрируя потомкам сакральную силу предков и тем самым способствуя сплочению клана.

Библиография

1. 李公明:“历史学”还是“图像学”? - 历史图像学的相关概念与跨学科研究方法论(上), 文艺理论与批评2024年第1期, 175-192页. [Ли Гунмин. "Историология" или "иконография"? - Связанные понятия и методология междисциплинарных исследований исторической иконографии (часть 1) // Теория и критика литературы и искусства. 2024. № 1. С. 175-192].
2. 陈晓阳:“子孙的自画像”:祖先图像的视觉人类学解读, 民族艺术 2015年第3期, 39-46页. [Чэнь Сяоян. "Автопортреты детей и внуков": визуальная антропологическая интерпретация изображений предков // Национальное искусство. 2015. № 3. С. 39-46].
3. [美] 迈克尔·安·霍利著, 王洪华译, 董强审校:回视:历史想象与图像修辞, 重庆大学出版社2020年版. [Холли М. Э. Взгляд прошлого: исторический образ и риторика изображения / пер. с англ. Чунцин: Издательство Чунцинского университета, 2020].
4. [英] 彼得·伯克著, 丰华琴、刘艳译, 杨豫校:文化史的风景, 北京大学出版社2013年版. [Берк П. Пейзаж истории культуры / пер. Фэн Хуацзинь и Лю Янь, Ян Юй. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2013].
5. 参见 赵世瑜:图像如何证史:一幅石刻画所见清代西南的历史与历史记忆, 故宫博物院院刊2011年第2期, 24-46+159页. [Чжао Шиюй. Как изображения доказывают историю: история и историческая память юго-западного Китая династии Цин, видимые на каменной резьбе // Журнал Дворцового музея. 2011. № 2. С. 24-46].
6. 王日根、张先刚:从墓地、族谱到祠堂:明清山东栖霞宗族凝聚纽带的变迁, 历史研究 2008年第2期, 75-97+190-191页. [Ван Жиген, Чжан Сяньган. От кладбища, генеалогии до родового храма: изменения в сплоченности клана Цися в провинции Шаньдун в династиях Мин и Цин // Исторические исследования. 2008. № 2. С. 75-97, 190-191].

7. 江虞纂:萧江家乘 卷首 凡例, 道光三十年(1850)刻本. [Цзян Гангве. "Фаньцзян", первый том "Семейство Сяо Цзян", тридцатый год Даогуана (1850)].
8. 杨逸:"复原"礼图:宋元兆域图的绘制与实践, 南方文物 2021年第4期, No.124 :144-151+54页. [Ян И. Ритуальная карта "Восстановления": рисование и практика карты Чжао домена Сун Юань // Южные культурные реликвии. 2021. № 4. С. 54, 144-151].
9. 张国标:徽派版画, 合肥:安徽人民出版社, 2005年版. [Чжан Гобяо. Гравюра Хуэйпая. Аньхой: Аньхойское народное издательство, 2005].
10. 张秀玉:明清至民国徽州家谱中的版画--兼论与徽派版画的关系, 民间文化论坛 2010年第3期, 41-46页. [Чжан Сюйю. Гравюры в генеалогии Хуэйчжоу из династий Мин и Цин до Китайской Республики-одновременно о взаимосвязи с гравюрой Хуэй // Форум народной культуры. 2010. № 3. С. 41-46].
11. [法] 米盖拉、吴旻:从地图到山水画:明代早期版画的再审视--国家图书馆善本家谱插图在徽州版画中地位之研究, 文津学志 2011年期, 157-171页. [Мигелла, У Мин. От карты к пейзажной живописи: повторный взгляд на гравюру ранней династии Мин - исследование места генеалогических иллюстраций редких книг Национальной библиотеки в гравюре Хуэйчжоу // Вэньцзинь Сюэ Чжи. 2011. С. 157-171].
12. 傅小凡:重建家族与鬼神信仰--论朱熹的"理学鬼神观"及其实践意义, 朱子学刊 2016年第2期, 26-37页. [Фу Сяофань. Восстановление семьи и веры в призраков и богов - о "неоконфуцианском взгляде на призраков и богов" Чжу Си и его практическом значении // Академический журнал Чжу Цзы. 2016. № 2. С. 26-37].
13. 黄琯、黄时中重编:绩溪东关黄氏续修宗谱 卷10 墓图·墓图叙, 光绪二十二年(1896)木活字本. [Хуан Гуань, Хуан Шичжун. Продолжение генеалогии семьи Хуан в Дунгуане, Цзиси, том 10. Карта гробницы, двадцать второй год правления Гуансюй, 1896].
14. 祝虬:家史制作:明清徽州宗族祖先谱系的建构, 安徽大学学报(哲学社会科学版)2021年第3期, 1-10页. [Чжу Овод. Производство семейной истории: построение родословной предков клана Хуэйчжоу династии Мин и Цин // Журнал Аньхойского университета (издание философии и социальных наук). 2021. № 3. С. 1-10].
15. 卞利:宋至明徽州地区堪輿风行及其对社会经济的影响, 安徽大学学报1991年第3期, 64-69页. [Ли Ли. "Популярность Канью в Хуэйчжоу во времена династий Мин и Цин и ее влияние на общество и экономику // Журнал Аньхойского университета. 1991. № 3. С. 64-69].
16. 卢东、王开队:"并力作于山":生存空间拓展、水资源利用与清前中期屯溪村落的空间分布演变(1693-1823), 中国农史 2021年第2期, 88-102页. [Лу Дун, Ван Кайбан. "И приложить силы в горах": расширение жизненного пространства, использование водных ресурсов и эволюция пространственного распределения деревень Туньси до и средней династии Цин (1693-1823 гг.) // История китайского сельского хозяйства. 2021. № 2. С. 88-102].
17. 郑永彬、郑起炜纂:婺源星源银川郑氏族谱 卷末 各派祖墓图, 乾隆四十年(1775)刻本. [Чжэн Юнбинь, Чжэн Цивэй. Карта гробниц предков всех фракций" в конце тома "Генеалогия семьи Чжэн в Иньчуане, Синъюань" Уюаня, гравированный экземпляр за сорок лет правления Цяньлуна, 1775].
18. 张海鹏等主编:徽商研究, 合肥:安徽人民出版社, 2010年版, 第12页. [Чжан Хайпэн и др. Исследование торговцев Хуэй. Аньхой: Аньхойское народное издательство, 2010].
19. 董家魁:明清徽商对徽州家谱纂修的支持与贡献, 东北农业大学学报(社会科学版)2017年第2期, 78-86页. [Дун Цзякуй. Поддержка и вклад торговцев Хуэйчжоу в составление генеалогии Хуэйчжоу в династиях Мин и Цин // Журнал Северо-Восточного сельскохозяйственного университета (издание социальных наук). 2017. № 2. С. 78-86].
20. 叶有广纂修:黟县南屏叶氏族谱 卷8 附录修谱宜事, 嘉庆十七年(1812)木活字本. [Е Югуан, сост. Генеалогия семьи Е в Наньпине уезда Исянь. Том 8 " Приложение к исправлению генеалогии ", деревянный подвижный шрифт семнадцатого года Цзяцина, 1812].
21. 胡氏合族修:婺源 婺北清华胡氏家谱 卷末 世墓图志, 同治十三年(1874)刻本. [Генеалогия семьи Ху из Цинхуа, северный Уюань. Раздел "Карты и записи родовых захоронений".

Коллективное составление рода Ху. Уюань: Родовой храм семьи Ху, 1874].

22. 黄臣槐等校补:歙县 潭渡孝里黄氏族谱 卷5 祖墓·祖墓目次, 雍正九年(1731)刻本. [Хуан Чэньхуай. Генеалогия семьи Хуан в Танду Сяоли уезда Шэсянь. Том 5 "Гробница предков. Каталог гробниц предков", девятый год правления Юнчжэна, 1731].

23. 吴琰纂修:休宁厚田吴氏重修宗谱 卷8 图记, 道光二十三年(1843)木活字本. [У Янь. Восстановленная генеалогия семьи У в Хоутяне, Сюнин. Том 8 "Туцзи", двадцать третий год Даогуана, 1843].

24. 汪士杞纂修:潜川汪氏悖祠溯源家谱 卷8 弓口记, 清刻本. [Ван Ши. Генеалогическое древо храма Ван в Цяньчуань. Том 8 "Записи о Лукоу", гравированный экземпляр].

25. 李振苏等纂修:槐溪王氏支谱 卷6 墓图, 咸丰六年(1856)木活字本. [Ли Чжэньсу. Спектр ветвей семьи Ван в Хуайси. Том 6 "Карта гробницы", шестой год Сяньфэн, 1856].

26. 洪昌纂修:江村洪氏家谱 卷14 祖莹山地字号土名积税, 清雍正八年(1730)刻本. [Хун Чан. Генеалогическое древо семьи Хун в деревне Цзянцунь. Том 14 "Налог на накопление имени земли в горах предков", гравированный в восьмом году правления Юнчжэна династии Цин, 1730].

27. 王日根, 曹斐:秩序的确立:〈新安名族志〉的编撰与意义, 安徽史学 2009年第1期, 83-88页. [Ван Жиген, Цао Фэй. Установление порядка: составление и значение Синьаньской клановой хроники // История Аньхоя. 2009. № 1. С. 83-88].

28. 许登瀛等纂:重修古歙东门许氏宗谱 卷8 儒公墓图, 清乾隆十年(1745)刻本. [Сюй Дэньин. Восстановление генеалогии семьи Сюй на восточных воротах. Том 8 "Карта конфуцианского кладбища", гравировка десятилетия правления Цяньлуна династии Цин, 1745].

29. 许文源等纂:绩溪南关许氏悖叙堂宗谱 卷9 墓图, 光绪十五年(1889)木活字本. [Сюй Вэньюань. Генеалогия Сюй Сюйтана в Наньгуане, Цзиси. Том 9 "Карта гробницы", деревянная подвижная книга 15-го года правления Гуансюй, 1889].

30. 徐景京等纂修:歙北皇呈徐氏族谱 卷1 墓图·搞公墓考, 乾隆十年(1745)刻本. [Сюй Цзинцзин. Генеалогия северного императора Сюй. Том 1 "Карта гробницы, экзамен на кладбище", гравированный экземпляр десяти лет Цяньлуна, 1745].

31. 杨冰莹:纪念与遗忘--文化记忆中的艺术史, 世界美术 2022年第3期, 97-106页. [Ян Биньин. Память и забвение - история искусства в культурной памяти // Мировое изобразительное искусство. 2022. № 3. С. 97-106].

32. 戴鸿儒纂修:绩溪东关戴氏宗谱 卷9 墓图, 清光绪十五年(1889)崇礼堂木活字本. [Дай Хунжу. Генеалогия семьи Дай в Дунгуане, Цзиси. Том 9 "Карта гробницы", деревянный подвижный шрифт в аудитории Чунцзюй в 15-м году правления Гуансюй династии Цин, 1889].

33. 汪昌礼主修:环溪汪氏宗谱 卷4 环溪墓图, 光绪十三年(1887)刻本. [Ван Чанли. Генеалогия семьи Ван в Хуаньси. Том 4 "Карта гробницы Хуаньси", гравированная версия 13-го года правления Гуансюй, 1887].

34. 周之屏等纂修:绩溪城西周氏宗谱 卷20 墓图, 光绪三十一年(1905)木活字本. [Чжоу Чжипин. "Генеалогия семьи Чжоу на западе города Цзиси". Том 20 "Карта гробницы", деревянный подвижный шрифт в 31-м году Гуансюй, 1905].

35. 程豫等纂修:新安大程村程氏支谱 下卷 图, 乾隆五年(1740)刻本. [Чэн Юй. "Рисунок" в нижнем томе "Спектра ветвей Чэн в деревне Дачэн в Синьане", гравированный в течение пяти лет Цяньлуна, 1740].

36. 俞隆圭纂:泗水俞氏干同公支谱 卷末 墓图引, 民国十一年(1922)刻本. [Юй Лунгуй. "Цитата на гробницу" в конце тома "Спектра Ганьтун Гунцзи Юй в Сурабае", выгравированная в одиннадцатом году Китайской Республики, 1922].

37. 戴起铨等纂修:永春戴氏宗谱 卷末 墓志图, 光绪二十七年(1901)木活字本. [Дай Цицюань. Эпитафия в конце тома "Генеалогия семьи Дай в Юнчуне", двадцать седьмой год Гуансюй, 1901].

38. 洪文陞、洪士銓纂:官源洪氏宗谱 卷末下 各派墓图, 乾隆五十三年(1788)刻本. [Хун Вэньшэн, Хун Ши. "Карта гробниц различных фракций" в конце тома " Генеалогия семьи Гуаньюань Хун", выгравированная в 53-м году правления Цяньлуна, 1788].
39. [日] 滋贺秀三著, 张建国等译:中国家族法原理, 北京:商务印书馆, 2013年版. [Шига Хидзо. Принципы семейного права в Китае. Пекин: Коммерческая пресса, 2013].
40. 卡利:明清时期徽州地区堪輿风行及其对社会经济的影响, 安徽大学学报1991年第3期, 64-69页. [Ли Ли. "Популярность Канью в Хуэйчжоу во времена династий Мин и Цин и ее влияние на общество и экономику // Журнал Аньхойского университета. 1991. № 3. С. 64-69].
41. 董乾坤, 王大宁:正统之外:明清时期徽州堪輿师群体初探, 安徽史学 2024年第4期, 119-127页. [Дун Цянькунь, Ван Данин. За пределами ортодоксального православия: предварительное исследование группы учителей Хуэйчжоу в период династий Мин и Цин // Историография Аньхоя. 2024. № 4. С. 119-127].
42. 秦书峰:风水的门派、理论和科学性--从建筑师观念出发的研究, 广西大学学报(自然科学版)2006年增刊, S1:230-234页. [Цинь Шуфэн. Школа, теория и наука фэн-шуй-исследование с точки зрения концепции архитектора // Журнал университета Гуанси (издание естественных наук). Приложение. 2006. С. 230-234].
43. 王魁璋纂:婺南云川王氏世谱 卷3 墓图引, 乾隆二十一年(1756)刻本. [Ван Куйи. Генеалогия семьи Ван в Юньчуане, Юнань. Том 3 "Карта гробницы", гравированная в двадцать первом году Цяньлуна, 1756].
44. 阿莱达·阿斯曼著, 潘璐译:回忆空间--文化记忆的形式和变迁, 北京:北京大学出版社, 2016年版. [Ассман Алейда. Пространство воспоминаний - формы и изменения культурной памяти. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2016].

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Культура и искусство» статье, как отразил автор в заголовке («Иконография и нарративные особенности изображений гробниц в генеалогических книгах Хуэйчжоу периода династии Цин»), является совокупность нарративных особенностей изображений гробниц (в объекте исследования) в корпусе генеалогических книг Хуэйчжоу периода династии Цин. Автор дополнительно подчеркивает, что его интересуют именно нарративные особенности изображений гробниц в корпусе генеалогических книг, поскольку в их исследовании видит определенный пробел интеллектуальной истории китайских кланов, давая оценку степени научной изученности изображений гробниц в генеалогических книгах как исторических источниках.

Автор последовательно раскрывает синтез истории и современности в нарративной структуре планов захоронений, планы захоронений как средство конструирования исторической памяти, а также специфику отображения на планах захоронений могильных сооружений, обращаясь к детальному нарративному анализу хорошо проиллюстрированных отдельных примеров. В целом объект исследования (корпус генеалогических книг Хуэйчжоу периода династии Цин как исторический источник) представлен на высоком теоретическом уровне. Предмет же исследования, судя по всему, автора интересовал в большей степени в плане интерпретации содержания повествований в конкретных примерах. Это, по мнению рецензента, говорит о том, что выбранный автором нарративный аспект находится в начале большой систематической работы: типологию и классификацию рассмотренных нарративов автор явно оставляет для будущего исследования. Безусловно, прежде чем перейти к обобщению типичных

характеристик совокупности нарративных особенностей изображений гробниц, их следует детально описать и интерпретировать, чему и посвящена представленная на рецензирование статья.

Таким образом, автор раскрыл предмет исследования на достаточном для публикации в авторитетном научном журнале теоретическом уровне.

Методологию исследования автор раскрывает путем общей характеристики типа изучаемых источников как формы визуального повествования, делая акцент на визуальной истории, как отдельном направлении изучения значений произведений изобразительного искусства как исторических свидетельств в рамках истории искусства и западной культурной истории. Помимо обобщения обширной опубликованной по теме научной литературы, автор уделяет аналитическое внимание эпистолярным, картографическим и иконографическим источникам. Особенность эмпирического материала обусловила комплексный подход автора к интерпретации значений изображений гробниц в корпусе генеалогических книг. В целом авторский методический комплекс релевантен решаемым научно-познавательным задачам. Выводы автора заслуживают доверия.

Актуальность выбранной темы со ссылкой на мнение авторитетных коллег автор поясняет важностью «обращать внимание на так называемый “взгляд прошлого”, отраженный в произведениях изобразительного искусства и в изображениях в целом». Безусловно, выбранный автором ракурс интеллектуальной истории остается до последнего времени слабо изученным и требует особого внимания теоретиков.

Научная новизна исследования, состоящая в интерпретации автором значений отдельных изображений гробниц в генеалогических книгах, заслуживает теоретического внимания.

Стиль текста автор выдержал научный, единственная обнаруженная пометка относится к случайно букве в выражении («так и и культурно-антропологического значения») — чисто техническая пометка.

Структура статьи следует логике изложения результатов научного исследования.

Библиография достаточно полно раскрывает предметную область исследования, но оформлена без учета одного из существенных требований ГОСТа: литература и источники в библиографии описываются по правилам ГОСТа на языке источника (если на китайском языке, то иероглифами), а вполне уместный авторский перевод описаний на русский язык, по ГОСТу приводится в квадратных скобках после основного описания (например: 李公明.《“历史学”还是“图像学”? — 历史图像学的相关概念与跨学科研究方法论(上)》// 文艺理论与批评. 2024. 年第1期. 175-192页. [Ли Гунмин. «Историология» или «иконография»? — Связанные понятия и методология междисциплинарных исследований исторической иконографии (часть 1) // Теория и критика литературы и искусства. 2024. Вып. 1. С. 175-192].). Соблюдение российских стандартов научно-технической информации — хоть и формальное требование, но обязательное.

Апелляция к оппонентам в тексте корректна и вполне достаточна.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Культура и искусство» и после исправления исключительно оформительских недочетов может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Культура и искусство» автор представил свою статью «Иконография и

нарративные особенности изображений гробниц в генеалогических книгах Хуэйчжоу периода династии Цин», в которой проведено исследование изображений генеалогических книг как средства визуального свидетельства реальности.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что эстетические качества и художественные особенности изображений являются социально обусловленными. После начала правления династии Мин, в особенности начиная с середины этого периода, под влиянием усложнения клановой структуры, большое количество материалов, связанных с системой организации и деятельностью клана, непосредственно вошло в генеалогические книги. Как следствие, в генеалогических книгах появились различные изображения, выполнявшие функцию визуального свидетельства реальности описываемых личностей и событий. В эпоху династии Цин содержание генеалогических книг в основном продолжало традиции предыдущей династии, увеличивался только объем и размер изображений.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения, трансляции и популяризации материального и духовного культурного наследия в условиях современных цивилизационных вызовов. Методологическую базу исследования составили общенаучные методы описания, анализа и синтеза, а также исторический, социокультурный и философский анализ. Теоретическим обоснованием послужили труды таких как П. Берк, М.Э. Холли, Чжао Шиюй, Чжан Сюй и др. Эмпирическим материалом явились изображения карт гробниц и схем захоронений генеалогических книг Хуэйчжоу периода династии Цин.

На основе анализа научной обоснованности проблематики автор приходит к заключению о возрастающем научном интересе к различным формам визуального повествования как европейских, так и российских и китайских историографов и антропологов. Научная новизна данной статьи заключается в рассмотрении изображений, включенных в генеалогические книги, в ракурсе их социокультурной и исторической ценности.

Цель исследования заключается в анализе изображений гробниц и захоронений, включенных в генеалогические книги. Для достижения цели исследования указанные изображения рассматриваются автором: с позиции их нарративной ценности; как средство конструирования исторической памяти; как географические объекты, организованные в соответствии с философией Фэн-шуй.

На основе культурно-исторического анализа автор приходит к заключению, что, начиная с эпохи Мин, кладбища выступают средоточием культа предков в китайской традиции. Удаленность захоронений от места поселения создавала ощутимый пространственно-временной барьер между предками и потомками. Для преодоления этой дистанции кланы Хуэйчжоу, начиная с периода династии Мин, стали включать в генеалогические книги схемы захоронений. С их помощью укреплялось ощущение связи потомков с предками. При этом локальные особенности развития клановых структур в регионе оказывали непосредственное влияние на культурный контекст создания планов захоронений.

Как отмечает автор, характерная для генеалогий Хуэйчжоу нарративная модель с её строгой организацией, конкретным содержанием и чёткими акцентами обусловлена прежде всего природой генеалогических текстов как носителей клановой истории, основывающейся на главном принципе существования рода — почитании предков. Система визуального повествования строится на единстве истории и современности; отбор захоронений для отображения в генеалогии осуществляется на основании значимости предков, а композиция изображения отражает их преемственность. Содержательное наполнение планов захоронений строится на сочетании фактической информации (включая топографические данные и записи о правах собственности) с образами коллективной памяти и варьируется в зависимости от региональных различий в развитии клановых структур.

На примере Хуэйчжоу автор иллюстрирует, как структурные особенности внутриклановой политики и развития купеческих сообществ династии в эпоху Цин влияли на выбор предков, схемы захоронений которых будут размещены в родословных: составители генеалогий учитывали как баланс властных отношений между ветвями клана, так и уровень личного благосостояния предка. В этот период фэншуй родовых захоронений приобретал особое значение. Планы захоронений в генеалогических книгах нужным образом акцентировали расположение и направление горных хребтов и водных потоков вокруг погребений, выявляли геомантическую символику местности, визуально демонстрируя потомкам сакральную силу предков и тем самым способствуя сплочению клана.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение произведений изобразительного искусства с позиции их социокультурной и историографической значимости представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список состоит из 44 источников, в том числе и иностранных, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике. Текст статьи выдержан в научном стиле и дополнен иллюстративным материалом.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.